

Идеологии профессионализма и социальное государство

Павел Романов, Елена Ярская-Смирнова

Понятие идеологии в узком, но наиболее часто подразумеваемом значении, связано с доктриной политического строя, партии, религиозного течения, общественного движения. В более широком смысле идеологии – это представления и ценности, убеждения и идеалы, в которых выражаются и конституируются интересы социальных групп. Эти взгляды на цели и способы развития общества, с одной стороны, служат символическим клеем, объединяя людей в группы, партии, ассоциации, а с другой стороны, воздвигают барьеры между представителями одного социального класса, одной и той же организации. Даже члены одной семьи могут занимать разные идеологические позиции. В них люди черпают формулы для объяснения тех или иных ситуаций, определения своих задач и находят оправдание своих действий, стремясь сохранить или переустроить сложившийся социальный порядок.

Профессионалы, эксперты, пользуясь уважением и доверием со стороны общества, включаются в публичные дебаты, внося вклад в определение тех или иных ситуаций как проблематичных и требующих интервенции со стороны знающих и умелых специалистов. В этой статье мы обсудим основные подходы к исследованию профессионализма как идеологии, рассмотрим некоторые типы профессиональных идеологий, или мифов и отдельно остановимся на том, как связаны между собой ценности профессиональных групп с дискурсами государства благосостояния.

Идеология профессионализма

Джулия Эветтс выделяет два взгляда на идеологию профессионализма – во-первых, как на нормативную ценностную систему, необходимую для сплоченности и стабильности, и, во-вторых, как на систему аргументов, направленных на оправдание власти и доминирования профессионалов [Evetts, 2003; см. также Эветтс, 2009]. Действие идеологии профессионализма можно увидеть на разных уровнях общества – макро- (государство, рынок), мезо- (организации и институты) и микро- (группы и акторы).

Рассматривая социологические объяснения того, как ценности определяют состояние профессии, мотивируют ее членов на поддержку стабильности и цивилизованности социальных систем, Дж. Эветтс приводит систематизацию классических и современных подходов. Профессия предстает в них как а) форма морального сообщества, базирующегося на особом групповом членстве [Durkheim, 1992]; б) сила, работающая в интересах стабильности и свободы для противодействия усиливающейся промышленной и государственной бюрократии [Carr-Saunders, Wilson, 1933]; в) сила, способная поставить индивидуальные интересы на службу сообществу [Tawney, 1920]; г) альтруистическое служение в целях стабилизации демократических процессов [Marshall, 1950]; д) социальная группа, обеспечивающая хрупкий баланс сил во взаимосвязанной системе капиталистической экономики и рационально-правового социального порядка [Parsons, 1951]; е) «третья логика», противостоящая рациональностям рынка и организаций [Freidson, 2001].

Идея профессионализма как системы ценностей, продвигаемая в указанных трактовках, будучи весьма влиятельной, особенно благодаря трудам Т. Парсонса, подверглась серьезной критике в 1970-80 годы, в первую очередь, из-за недостатков свойственного им функционалистского объяснения. Более поздние работы, вдохновленные неовеберовским подходом и марксистской критикой, отличались скептицизмом в отношении профессий: их авторы склонны различать в профессиональной идеологии контуры незримого «заговора» элитных представителей групп занятости, предпринятого с целью укрепления собственной власти. Формы и цели такого «заговора», разумеется, различаются в объяснениях разных исследователей: профессионализм рассматривался, например, как а) специфический культурный и исторический конструкт маскулинности, противостоящий более новым и феминизированным профессиям [Davies, 1996]; б) успешная идеология, продвигаемая для укрепления претензий на статус и безопасного получения дохода в конкуренции с другими группами занятости [Johnson, 1972]; в) «профессиональный

проект», направленный на обеспечение восходящей мобильности, легитимации собственной монополии, поддержание юрисдикции в пределах рынка определенных услуг [Larson, 1977; Abbott, 1988]; г) обоснование претензии наиболее влиятельных профессиональных групп на контроль не только в пределах закрытых рынков, но также над другими видами занятости; установление «договорного порядка» на государственном уровне, разумеется, в своих собственных интересах [Cooper et al., 1988].

Содержание профессиональных идеологий – «самообслуживающее словословие» [Geison, 1983. P. 7] – выражает частные интересы групп, но предлагается как универсальная истина в более широком культурном и политическом контексте. Понимая идеологические постулаты как выражение частных интересов, мы можем называть их мифами. По Р. Барту [Барт, 1994], миф – это коммуникативная система, сообщение, а задача «мифолога» состоит в том, чтобы разоблачить его – в этом смысле исследователь, подвергающий критике идеологию, отчасти «выключен» из общества, усвоившего этот миф.

Мифы о профессионализме

Многообразие профессиональных идеологий как мифов можно упорядочить, вслед за Томасом Бранте, следующим образом [Brante, 1988]. Согласно *мифу о технократии*, применение новых знаний и технологий является главным фактором модернизации, при этом общество управляется при помощи объективного знания интеллектуальной элиты. Это ведет к тому, что социальные проблемы считаются сложными для их обсуждения обычными гражданами, а публичные дебаты не предусмотрены, что приводит к росту власти и влияния экспертов, которые навязывают легитимность, подготавливая завоевание рынка [Бурдые, 2005]. Усилия определить черты профессий в отличие от «видов занятий», начиная с А. Флекснера, составившего первый список атрибутов для социальной работы как профессии, прочно утвердили традиции «общества кренденций» [Geison, 1983. P.4], в котором профессионализм четко ассоциируется с формальными свидетельствами о полученном образовании. Под влиянием идей Парсонса в американской социологии 1950-60-х годов сложился консенсус по поводу профессионализации как процесса рационализации и роста эффективности, как «выгодной и фактически неотъемлемой части усложняющегося и взаимозависимого мира» [ibid]. Однако, позднее прямая связь профессионализацией и прогрессом была поставлена под сомнение, стали известны примеры

коррупции профессионалов, пострадала их репутация, росло недоверие «тиранией экспертов».

Данная идеология связана также с *мифом об особых знаниях* [Brante, 1998. P. 130-131], который представляет профессии как комплексы научных, сертифицированных знаний, применяемых для решения сложных задач, но поскольку практика характеризуется высокой неопределенностью, то для совладания с этими непредсказуемыми уникальными ситуациями профессионалы должны обладать отличной интуицией и особым знанием, которое можно получить только с опытом. В свою очередь, на этих аргументах основана *героизация профессионалов*: поскольку в их деятельности есть элементы неопределенности и там осуществляются неизвестные нам практики, при помощи которых нас – клиентов – спасают от неизвестной болезни, защищают от опасности, предупреждают об угрозе и переформируют нежелательные для нас ситуации. Нередко профессионала – будь это ученый, юрист, врач, священник, психолог или шаман – представляют как героя или мага, и потому символы и ритуалы очень важны для формирования и поддержания профессиональных сообществ. Профессионализм, с одной стороны, предполагает высокую степень техничности и рутинизации действий, чтобы знание возможно было передавать посредством обучения. С другой стороны, профессиональные процедуры не должны быть полностью предсказуемы – иначе клиенты смогут оценить степень сложности задачи и даже выполнить ее сами. Профессиональное знание должно быть в достаточной степени сложным, эзотерическим, «скрытым знанием» (tacit knowledge). Врачи, экономисты, юристы, полицейские, обладающие отточенными навыками, особым знанием, интуицией и харизмой, в одиночку или с командой умелых помощников спасающие мир, – это герои популярных сериалов, телепередач, драматических историй в СМИ.

Миф об альтруизме профессионалов во многом поддерживался теоретическими идеями Парсонса, согласно которому институциональные условия «свободных профессий», в отличие от бизнеса, ограничивают «агрессивность эгоистического интереса» [Парсонс, 2000]. Эти институциональные механизмы гарантируют, что профессионалы, прошедшие формальную техническую и интеллектуальную подготовку, будут использовать полученные ими компетенции и навыки социально ответственным способом. С данными представлениями связан и *миф о нейтральности*, т.е. беспристрастности профессионалов [Brante, 1998. P. 133], действующих вне политических и частных интересов во имя общественного блага. Однако, альтруизм, беспристрастность и бескорыстие профессионалов оказыва-

ются под вопросом, когда обнаруживаются факты нарушения профессиональной этики, осознанного сокрытия нужного знания или искусственного создания и поддержания проблем, которые специалисты призваны решать. Вспомним недавние извинения президента США Барака Обамы за действия американских врачей в Гватемале в 1946-48 годах, когда те намеренно заражали заключенных и пациентов психиатрической больницы сифилисом и гонореей, чтобы проследить за течением болезни. Или так называемое «исследование Таскиги» в Алабаме, где медики выявляли заболевших сифилисом чернокожих, но не предпринимали никакого лечения, а поместив их в больницу, проводили под видом медицинской помощи различные исследования [см. напр.: Reverby, 2000], и эти эксперименты продолжались десятилетиями, с 1932 по 1972 год, в том числе уже после Нюрнбергского процесса, на котором подобные действия нацистских врачей были подвергнуты суровому осуждению.

Известны многочисленные примеры нарушения профессиональной этики журналистами – недавние скандалы с разоблачением в июле 2011 года репортеров британской газеты-таблоида News of the World, которые подслушивали телефонные разговоры родственников погибших людей, чтобы на основе услышанного делать новости и подогревать интерес публики к своему изданию. Этот ряд можно продолжить примерами халатности, небрежения своими обязанностями и аморальности из российской истории – положительное заключение экспертов на проект переброски северных рек в СССР, на возведение «Газоскреба» в историческом районе Петербурга или вырубку Химкинского леса. Медики из Элисты в 1988-х из-за своей халатности допустили заражение ВИЧ 32 человек (из них 26 младенцев), милиционер Евсюков, находясь в нетрезвом состоянии, расстрелял из пистолета девятерых человек в супермаркете в 2009 году.

Такие происшествия являются своеобразными абберациями в естественном образе функционирования профессии. Однако, примечательным является то, как государство и общественность реагируют на эти отклонения. Отклонения от профессиональной этики во многих случаях замалчиваются или имеют следствием лишь символические наказания. Высшая мера для Евсюкова здесь является исключением, связанным, во многом, с тем публичным эффектом, какой возымело это преступление. Ко многим правонарушителям в погонах Фемида благосклонна, да и врачи, виновные в массовом заражении младенцев в Элисте, отделались лишь выговорами. А эксперты и разработчики масштабных проектов, имевших неоднозначные отклики и в профессиональном сообществе, и за его преде-

лами (например, переброс рек с севера на юг) даже получили государственные награды. Как показал Ч.Р. Миллис, профессионалы являются или стремятся стать частью элиты, выполняя поручения истеблишмента, подчиняясь интересам бизнеса, государства и военного ведомства [Миллис, 2007]. Они могут быть вполне аполитичными и пассивными, превратившись в функционеров капитала и его отдельных секторов [Brante, 1998. P. 133].

Представления о том, что деятельность профессионалов контролируется изнутри, со стороны таких же компетентных коллег, объединенных в ассоциацию, основаны на *мифе об автономии и рациональности профессий*. Однако, данная объяснительная схема не может объяснить механизмы внутренней динамики, предполагающей конкурентную борьбу, «специфической ставкой в которой является монополия на *научный авторитет*» [Бурдые, 2005. С. 473-474], иерархии и властные отношения между исследователями и научными бюрократиями, начинающими учеными и «мандаринами» от науки [Brante, 1988. P. 131-132], между «чужаками» и «членами клуба», имеющими власть номинировать исследователей как сильных или слабых, распоряжаясь теми или иными видами ресурсов. Тактики «закрытия» для сохранения монополии на знание и ресурсы характерны как для профессиональных групп в целом, так и для «школ» и кланов внутри группы.

Критические подходы, включая марксистский и неовеберианский [Larson, 1977; Ilich, 1977], а также этнографические исследования [См. напр.: Becker, Geer, Hughes, Strauss, 1961] позволяют увидеть важные различия и конфликты за кажущимися сходствами и гармонией, привлекая внимание к несовершенству определения «профессий», к сложным практикам, к повседневности реальных людей, к структуре групп, их усилиям укреплять власть, доход и статус посредством монополизации права на экспертизу, нередко сопровождающейся острой борьбой с профессиями-конкурентами или конфликтами внутри одной и той же профессиональной группы [см. напр. гендерный анализ профессии юриста: Brockman, 2001; о конфликте интересов медиков см.: Davis, Stark, 2001], а также той роли, которую играют профессионалы в легитимизации социального неравенства и механизмов социального контроля [Geison, 1983. P. 4-5]. Перефразируя Миллса, определение профессионалов как группы людей, обладающих высокими нравственными качествами, есть идеологическое оружие привилегированной прослойки, независимо от того, создана ли эта идеология самими профессионалами, или создана для них другими [Миллис, 2007. С. 31-32].

Стратегии профессионалов, формулируемые в их собственных интересах, в стремлении монополизировать власть экспертизы, уже не устраивают граждан, чьи возможности выбора, влияния и контроля над профессионалами расширяются. Общественные движения, объединения, группы потребителей, клиентов и пациентов складываются вокруг этих приоритетов и ценностей, развиваются и ширятся подчас независимо от желания и способности доминирующих политических групп считаться с чьим-то мнением. Профессионалы вынуждены трансформировать свою идеологию, повышать открытость и гибкость, включая своих клиентов в процессы обмена информацией и принятия решений.

Профессионалы в государстве благосостояния

История формирования «социального государства» в девятнадцатом – начале двадцатого века связана с развитием стратегий заботы о гражданах. С одной стороны, социальная забота профессионализировалась, и как полагал в конце 1930-х годов Т.Х. Маршалл, в условиях растущей демократии у специалистов крепло чувство ответственности за социальное благополучие:

из дешевого паллиатива, предоставляемого низшему классу в обществе, построенном на состязательном индивидуализме, социальное обслуживание превратилось в широкий согласованный план улучшения всего сообщества [Маршалл, 2010. С. 116].

С другой стороны, это вело к тому, что государство посредством различных институтов, акторов и дискурсов, связанных с политикой и практикой, обучало граждан социальному управлению их собственной и чужой свободой. Возникали дискурсы о нормальных и ненормальных детях и родителях, о развитии нации, позволявшие распространять рациональность государственной политики социального обеспечения и практик спасения и вмешательства, создать способы конструирования и управления благополучием граждан. Благодаря росту науки появились институты и эксперты социальной политики, – в частности, профессионалы, обученные научным методам объективного наблюдения за ребенком [Bloch et al., 2003. Р. 17-18], вмешательства в частную жизнь семьи с целью воспитания «правильных» граждан. В течение XX века социальное государство полностью оформилось на основе новых технологий воспитания детей, семьи и представлений населения о правильном и неправильном поведении, самоопределении, о нормальности и ненормальности, за функциони-

рованием которых стояли разнообразные группы специалистов, обладавших властью знания.

Напомним, в связи с этим, известную классификацию современных режимов государств благосостояния, разработанную Г. Эспинг-Андерсеном [Esping-Andersen, 1990] в 1980-е годы, различающая либеральный, социал-демократический и консервативный типы социальных государств в зависимости от их идеологических основ, масштабов социальных гарантий, размеров социальных пособий и других критериев. Классификация режимов основана на выделении ключевого социального института (государства, рынка или семьи), несущего ответственность за обеспечение благосостояния населения, а также структуры и масштабов социальной помощи. В отличие от либеральных режимов социального государства, где дихотомия публичное/приватное ощущалась достаточно четко, в СССР и социал-демократических странах социальное государство играло роль важного дополнения частной или личной жизни [Bloch et al., 2003. Р. 20]. Для каждого из этих режимов характерны особенности в аспекте включения профессионалов в решения по вопросам социальной политики, варьирующиеся от тесной интеграции в государство в условиях социал-демократии и корпоративистской идеологии – до автономного существования и даже конкуренции в условиях либерального режима. При этом интерес представляет взгляд на систему социальных гарантий и структуру занятости в профессиональных сферах социального государства – в здравоохранении, образовании и социальной защите – сквозь призму гендерной и семейной идеологии [Sainsbury, 1999; см. также: Социальная политика и социальная работа... 2005], особенно в условиях трансформации социальной политики [см. напр. Pascall, Manning, 2000].

Социальная работа на протяжении всей своей истории являлась полем идеологической борьбы. Структурная, или радикальная, политическая социальная работа, например, делает больший акцент на анализе проблем социального неравенства и политическом участии, на коллективных действиях, чем на задачах интеграции и сохранения статуса кво. В истории профессии есть периоды роста активизма и спада консервативной или либеральной позиции; отличаются между собой по ценностным ориентирам социальные работники разных стран, а в рамках одного государства – общественные, церковные и государственные социальные службы, в частности, это ярко проявляется в отношении к такой проблеме, как домашнее насилие.

Многие исследователи отталкиваются от теоретического предположения о том, что концептуальные основания разных западноевропейских социальных государств укоренены в конкурирующих

между собой идеологиях либерализма, консерватизма и социализма, однако, на практике эти типы рациональности воплощались более вариативно. Социалистическая идеология, например, сочетала в себе разнородные элементы консервативной и социал-демократической систем ценностей, и если в ранней советской истории в политической риторике апеллировали к ценностям самоуправления и равенства, со временем стрелка весов склонилась в сторону патернализма и тоталитаризма. Это заметно и в эволюции экспертных представлений о причинах социальных проблем и способов их решения, смене ориентиров пропагандистских кампаний, переустройстве форм социальной поддержки, ярко проявляется в изменениях гендерной политики [см. Buckley, 1989; Айвазова, 1988].

В истории известны многочисленные примеры того, как профессионалы диктовали условия выхода из кризиса, социально-гигиенические нововведения (советские врачи в условиях борьбы с сифилисом, эпидемиями чумы и тифа в 1920-х), но нередко их автономия казалась властям чрезмерной, и тогда они подвергались репрессиям (инженеры и конструкторы 1920-х, офицеры в 1930-х, врачи-«вредители» 1950-х, социологи-шестидесятники в 1970-е годы). В условиях опасных кризисов государство чувствовало потребность в особой экспертизе и обращалось к специалистам, возвращало их из гугаговских лагерей в лаборатории, университеты, «шарашки», к командованию полками и армиями. Статус и власть возвращались к специалистам, они занимали особое положение в обществе – лучше питались, ездили на дорогих машинах, жили в просторных квартирах (если удавалось избежать сытой тюрьмы «шарашек»).

Можно говорить и о разных видах либерального режима, каждому из которых соответствуют свои идеологические комплексы, причем, для современного либерализма более всего характерен акцент на «экономизации» и разгосударствлении социальной сферы, на ее подчинении материальной (или рыночной) логике, знанию и практикам [Кларк, 2003. С. 78]. Этот процесс материализации нужды [Напеу, 2002] и экономизации социальных услуг заметен в рыночных технологиях администрирования и в дискурсивных формациях [Кларк, 2003] и соответствует неоменеджериалистской идеологии рационализации ресурсов и приемов управления [Ярская, Романов, 2005]. Такая идеология вступает в конфликт с профессионализмом, устанавливая контроль над специалистами со стороны менеджеров или (в ряде случаев) клиентов. Наделяя гражданина статусом клиента, неолиберальный режим социальной политики представляет человеку возможности выбора услуг оказываемых профессионалами (преподавателями, врачами, социальными работниками)

и участия в оценивании их качества, но параллельно создает установку на консумеризм. Некоторые группы специалистов в этой связи высказывают озабоченность вмешательством контроля «снизу» в сферу своей деятельности.

А вот версия рационализации социальной политики, направленная на так называемую «адресность», напротив, используется в качестве инструмента усиления контроля профессионалов над жизнью бедных. Таким способом формируется стигма «клиента», растут риски произвола чиновников и, к тому же, здесь требуются значительные административные расходы для оценки «нуждаемости» и мониторинг эффективности этих мер. С отказом от принципа универсальности социальной политики и переходом к программам местного значения адресаты помощи нередко проигрывают. При этом на «проигравших» возлагается вина за их затруднительное положение – такие установки продуцируются интеллектуалами и властными элитами, распространяются среди госслужащих, работников социальных служб и других сервисов.

Противоречивое понимание смысла благосостояния различными политическими партиями и течениями, требования, выдвигаемые общественными движениями и экспертами, прямо или косвенно влияют на реформирование социальной политики. Неолиберализм уживается с неоконсервативными воззрениями: маркетизация и менеджериализация социального обеспечения переплетены с социально-криминализирующими технологиями управления [Кларк, 2003. С. 81]. Появление таких категорий людей или семей, как «неблагополучные» и «социально опасные», «группы риска» требует сформировать новые технологии управления незащищенностью, создав из полиции, врачей и социальных работников сеть контроля над мужчинами и женщинами, попавшими в ловушку экономической нестабильности [Wacquant, 2009].

Воистину сегодня возникает своего рода государство всеобщего благоденствия более высокой градации. <...> В эпоху либерализма бедняк считался лентяем, сегодня он автоматически становится подозрительной личностью [Хоркхаймер, Адорно, 1997. С. 188].

Дискурсы социальной политики нередко включают ценностные суждения, позитивные в отношении одних групп или действий и негативные в отношении других [см. напр. Ярская-Смирнова, 2010]. Дискурсивные разногласия отнюдь не ограничены лишь рамками научной или популярной литературы; они сопутствуют процессам обновления социальной политики и соответствующего законода-

тельства, учреждения и расширения сети социальных служб, обсуждения методов социальной работы с семьей и детьми. Осуществляя льготные выплаты, производя и распределяя услуги, государственные механизмы благосостояния создают, воспроизводят и пересматривают модели социальной дифференциации, формируют коллективные идентичности, контролируют проблемное население и подавляют «неудобных» людей [Кларк, 2003. С. 73]. Распространенное понимание бедности, разделяемое некоторыми политиками и социальными работниками, стремится «обвинять жертву», возлагая на индивидов ответственность за те проблемы, которые имеют социальное происхождение, игнорируют важные социальные условия и те испытания, с которыми сталкиваются люди в реальных жизненных ситуациях. Постепенно такой язык легитимируется в публикациях и проникает в официальный дискурс чиновников, подобно аналогичной инфильтрации других социолектов, в том числе профессиональных.

Профессионалы, чиновники, политики в ряде стран, включая Россию, были склонны придерживаться ключевых принципов универсализма даже перед лицом довольно сильного дефицита экономических ресурсов и международного давления в направлении поворота мер социальной политики в более либеральное русло. И сильная общественная реакция на неолиберальные реформы в России в середине 2000-х может быть понята именно с учетом идеологии, символической ценности социального обеспечения. Социальные реформы были направлены на реструктуризацию пособий, предназначенных советским режимом различным группам населения в ответ на их вклад в развитие страны. Их отмена была проинтерпретирована в моральных терминах как переоценка традиционных для советской системы бенефициаров, что привело к прямым протестам, вызвавшим, в свою очередь, крен правительства в популизм, сохраняющийся несмотря на давление глобального экономического кризиса [Rasell, 2010].

И хотя очевиден общий тренд систем социальной защиты в странах постсоциализма к конвергенции в направлении резидуального режима, сегодня происходит все большая дифференциация стран данной группы [Manning, 2004; см. Romano, 2010]. В композиции институциональных условий развития новых социальных государств не последнюю роль играют степень концентрации власти, сила гражданского общества, свобода слова, уровень распространенности неформальных экономических практик, включая коррупцию, а также общественное мнение. Так, в 2006 году (еще до экономического кризиса) только 30 процентов респондентов из Восточной Ев-

ропы были уверены, что жизнь стала лучше, чем в 1989 [ESPAnet Conference... 2010; см. также: Sanfey and Teksoz, 2005]. При этом, судя по распределению ответов, в выигрыше оказались более обеспеченные и образованные граждане, чаще это профессионалы из определенных групп, получающие преимущества из своего монопольного положения на рынках [см. также: Аникин, 2008].

Отметим, что зарубежная социология профессий XX века фокусировалась, в основном, на контексте капиталистических стран, что вполне понятно, учитывая герметичный характер отечественных социальных наук. Различия между трактовками профессионализма, унаследованными нами от советского обществоведения и теми, которыми характеризуется англосаксонская традиция социологии профессий, на наш взгляд, недостаточно отрефлексированы [см. подробнее: Романов, Ярская-Смирнова, 2009]. Остается до конца непонятой та степень контроля со стороны государства, возникающая в таких обществах, и, соответственно, влияние такого контроля на автономию, закрытость и субкультуру профессиональных групп.

Специалисты, во всяком случае, в традиционных видах занятости могут быть тесно интегрированы в современное государство благосостояния и хорошо в нем представлены, получая от него определенную поддержку и ресурсы, что подкрепляется доверием и уважением со стороны общества в целом. И хотя между некоторыми профессиональными и государственными идеологиями существует антагонизм (как и между группами внутри госаппарата и внутри самих профессий), во многом профессии и государства выступают когерентными акторами, преследующими сходные цели [Le Bianic, 2003]. Врачи, педагоги, полицейские, социальные работники и другие специалисты помогают государству контролировать общество, а государство, в свою очередь, помогает им профессионализироваться и отстаивать их интересы, воспроизводить и легализовать их монополию в сфере определенных услуг, например, в образовании, здравоохранении, социальной защите.

Отношения между профессионалами, государством, рынком и гражданским обществом складываются по-разному. В одних национальных контекстах – например, в США, – профессионалы объединяются в автономные саморегулируемые сообщества, противопоставленные государству, в других – например, во Франции или в России – профессии инкорпорированы в государственный аппарат, в третьих – как в Восточной Европе и бывших республиках СССР в 1990-е годы – осуществляется переход от «государственно-ориентированного к рыночно ориентированному профессионализму» [Le Bianic, 2003], при этом пересматриваются этические рамки и идео-

логические конструкты профессионализма [Sanghera, Piasov, 2008]. Впрочем, профессии уже не замыкаются в рамках государств-наций. Регулирование профессионалов осуществляется наднациональными органами, формируются глобальные профессиональные сети, нормы международной юрисдикции [см. напр.: Svensson, Evetts, 2010]. Особый интерес представляет вопрос о том, какую роль сегодня могут играть механизмы корпоративной социальной ответственности в продвижении идеологии социального равенства в профессиях. Все это влияет на смену определений и способов приобретения профессионалами социального престижа.

Идеология исследований социальной политики

В конвенциональном анализе социальной политики основные исследовательские вопросы связаны с экономическим неравенством и проблемами перераспределения доходов в иерархии социально-экономических групп. Узкодисциплинарный анализ социальной политики нередко проводится в интересах политической элиты и страдает нормативностью и «технократическим оптимизмом», например, в описаниях механики перевода людей из статуса зависимых в статус трудящихся, из «дезадаптированных» в «адаптированные» [критику таких подходов см.: Mills, 1943; Morgen, Maskovsky, 2003], но не поднимаются вопросы о том, как государства всеобщего благосостояния производят, воспроизводят или модифицируют неравенства, например, по полу, расовым или этническим различиям, инвалидности [Кларк, 2003. С. 74]. Не все исследовательские перспективы могут справиться с задачей «мифолога», который, по упомянутой выше идее Барта, должен находиться на некоторой дистанции от общества, усвоившего миф, чтобы подвергнуть критике идеологию. Эта критическая позиция метафорически может быть названа этнографической дистанцией [см. Романов, Ярская-Смирнова, 1998].

Антропологические, этнографические исследования благосостояния [Edgar, Russell, 1998] реконструируют повседневный опыт реализации социальной политики, которая понимается как процесс нормализации благополучия индивидов, организаций и обществ. Исследователи подвергают критике «успешные» меры государственных реформ, опираясь на этнографические свидетельства, документируя социальное воспроизводство бедности, противопоставляя гегемонический дискурс о реструктуризации социальной политики жизненным реалиям обнищавших домохозяйств [Morgen, Maskovsky, 2003. P. 317]. Опираясь на социально-конструктивистские, постструктуралистские и феминистские под-

ходы, можно усомниться в идеологии как нормативной системе или универсальной истине, в тех знаниях, представлениях и установках, которые принимаются как должное, как неотъемлемый и неизменный фон повседневной деятельности людей. Для изучения низового уровня социальной политики, где оперируют такие агентства и акторы, как социальные службы и социальные работники, полезным оказывается использование этнографических кейс-стади.

Ценностно-символические комплексы, консолидируя сообщества, могут побуждать нас принимать по умолчанию несправедливость сложившихся отношений, продвигать интересы своей группы и недооценивать других. Отбор и социализация (Питирим Сорокин в начале 1920-х годов использовал термин «психическая деформация») формируют у членов одной и той же группы профессионалов довольно схожие черты, не только «внешность и повадки», но и сходное мировоззрение, корпоративный дух и профессиональную этику, преувеличенную оценку важности своей профессии и нетерпимость к другим [см.: Сорокин, 1994. С. 345].

Идеологии – это не просто искажения или мистификации реальности, «образы без оригинала». Они становятся механизмом культурного воспроизводства, работая как репрезентации и тем самым включая людей в процессы создания, декодирования и переформулирования смыслов. Большую роль здесь играют крупномасштабные дискурсы, производимые ведущими политическими партиями и крупными общественными движениями, которые осуществляют или противостоят друг другу, соревнуясь за влияние на общество посредством социальной науки, политических технологий и масс-медиа. Однако, не стоит сбрасывать со счетов и другие голоса, – возможно, менее значительные, но нередко весьма влиятельные в жизни людей, – доносящиеся от менее крупных сообществ.

Заметное место в этом разноречивом хоре идеологий занимают профессионалы, которые в своих высказываниях не только отмечают границы своего поля деятельности, но и определяют подходы к решению проблем, определяемых как поле их компетенций. В идеологии профессионализма можно видеть логику самоотверженного служения на переднем крае борьбы с проблемами, требующими колоссального напряжения духовных сил и серьезных знаний, – и скрытую жажду сохранения привилегий любой ценой. Когда первая – нормативно-ценностная сторона профессионализма преобладает над критической рефлексией, идеологии групп профессионалов, как

и любых других социальных групп, подчеркивая их преимущества и легитимируя действия, доказывая полезность для самих себя и общества в целом, по сути, превращаются в мифы. Когда идеология объединяет группы, сообщества, в том числе профессиональные, – ее адепты разделяют и отстаивают нормативную систему ценностей, представляя ее как универсальную истину.

Интерес к анализу ценностных, идеологических аспектов социальной политики заострил внимание исследователей и практиков к осознанному выбору, инициативе людей, действующих в рамках структурным ограничений или вопреки им. Каким образом общество легитимирует социальные реформы, насколько соответствуют друг другу стратегии и ход реализации реформ, их риторика и практика? Как эти реформы воспринимаются субъектами, и как происходит политическая и идеологическая мобилизация некорпорных субъектов? Неолиберальные тенденции в управлении социальной политикой с их акцентами на учете потребностей клиента и конкуренции между провайдерами обуславливают изменение требований к услугам специалистов, занятых в здравоохранении и социальной защите.

Пространство постсоциализма характеризуется значительными трансформациями роли государства, идеологии социальной поддержки, моделей и инструментов социальной политики. Парадоксально, что не только рыночный индивидуализм и закат прежних форм солидарности, но и многие сложившиеся механизмы социальной политики расшатывают социальную интеграцию, негативно влияя на социальный консенсус и уровень доверия граждан к структурам, отвечающим за их благополучие. В легитимацию государства благосостояния и предпринимаемых социальных реформ вносят вклад профессионалы: проводят исследования социальных проблем и предлагают способы их решения, принимая участие в разработке и экспертизе проектов, в публичных дебатах. Они вступают во взаимодействие с разнообразными группами интересов, чьи мотивы и идеалы разнородны и подчас противоречивы. Здесь конкурируют между собой дискурсы свободы и контроля, безопасности и интеграции, невмешательства и интервенции, независимости и нормальности, наказания и заботы.

Список источников

Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: ЗАО «Редакционно-издательский комплекс Русанова», 1988.

Аникин В.А. Средний класс и тенденции изменения социально-профессиональной структуры России // Средний класс в современной

России / Отв. ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихонова. Ин-т социологии РАН, 2008. С. 223-253.

Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс; Универс, 1994. С. 72-130.

Бурдьё П. Поле науки / Пер. с франц. Е.Д. Вознесенской // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц. / Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2005. С. 473-517

Кларк Дж. Неустойчивые государства: трансформация систем социального обеспечения // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 1. С. 69-89.

Маршалл Т.Х. Новейшая история профессионализма в связи с социальной структурой и социальной политикой // Журнал исследований социальной политики. Т. 8. № 1. 2010. С. 105-124.

Миллс Ч.Р. Властвующая элита. М.: Директмедиа Пабблишинг, 2007.

Парсонс Т. Мотивация экономической деятельности // Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/pars/06.php.

Романов П., Ярская-Смирнова Е. Мир профессий – пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 25-35.

Романов П., Ярская-Смирнова Е. «Делать знакомое неизвестным...». Этнографический метод в социологии // Социологический журнал. 1998, № 1/2, С. 145-160.

Сорокин П. Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп // Питирим Сорокин. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. С. 334-354.

Социальная политика и социальная работа: гендерные аспекты / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: РОССПЭН, 2005.

Хоркхаймер М, Адорно Т. Диалектика просвещения. М.: Медиум, 1997.

Эветтс Дж. Новые вызовы доверию и профессионализму // Свободная мысль. № 11. Ноябрь 2009. С. 127-142.

Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Гендер и этничность в учебниках по социальной работе и социальной политике // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 117-126.

Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Новая идеология и практика социальных услуг: оценка эффективности в контексте либерализации социальной политики // Журнал исследований социальной политики. Т. 3. № 4. 2005. С. 497-522.

Abbott A. The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labour. Chicago: University of Chicago Press, 1988.

Becker, H.S., Geer B., Hughes E.C., Strauss A.F. Boys in white. Chicago: University of Chicago Press, 1961.

Bloch M., Holmlund K., Moqvist I., Popkewitz T.S. Global and local patterns of governing the child, family, their care, and education: an introduction // Bloch M., Holmlund K., Moqvist I., Popkewitz T.S. *Governing children, families and education. Restructuring the welfare state.* New York: Macmillan, 2003. P. 3 – 34.

Brante Th. Sociological approaches to the professions // *Acta Sociologica.* 1988. Vol 31. № 2. P. 119-142.

Brockman J. *Gender in the Legal Profession: Fitting Or Breaking the Mould.* Vancouver: UBC Press, 2001.

Buckley M. *Women and Ideology in the Soviet Union.* New York, London: Harvester Wheatsheaf, 1989.

Carr-Saunders A. M. and Wilson P.A. *The Professions.* Oxford: Clarendon. 1933.

Cooper, D., Lowe, A., Puxty, A., Robson, K. and Willmott, H. (1988) 'Regulating the UK Accountancy Profession: Episodes in the Relation Between the Profession and the State', paper presented at ESRC Conference on Corporatism at the Policy Studies Institute, London, January.

Davies C. *The Sociology of Professions and the Profession of Gender* // *Sociology* 1996. Vol. 30. № 4. P. 661–78.

Davis M., Stark A. (eds.) *Conflict of interest in the professions.* Oxford; New York: Oxford University Press, 2001.

Durkheim E. *Professional Ethics and Civic Morals.* London: Routledge. 1992.

Edgar I., Russell A. (eds.) *The Anthropology of Welfare.* London, New Your: Routledge, 1998.

ESPAnet Conference "Post-Socialist Welfare Systems. Economic Performance, Global Financial Crisis, Democratization and Consolidation of Democratic Institutions in the CEE-CIS Region". Budapest, 2010 // http://www.espanet2010.net/en/24/14._Post_Socialist_Welfare_Systems.page.

Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism.* Cambridge, 1990.

Evetts J. *Sociological Analysis of Professionalism. Occupational Change in Modern World* // *International Sociology.* Vol. 18 (2). 2003. P. 395-415.

Freidson E. *Professionalism: The Third Logic.* London: Polity, 2001.

Geison G.L. Introduction // Gerald L. Geison (ed) *Professions and Professional Ideologies in America* Univ of North Carolina Press 1983. P. 3-12.

Haney L. *Inventing the Needy: Gender and the Politics of Welfare in Hungary.* University of California Press, 2002.

Illich I. et Al. *Disabling Professions.* London: Marion Boyars, 1977.

Johnson T. *Professions and Power.* London: Macmillan, 1972.

Larson M.S. *The Rise of Professionalism.* Berkeley: University of California Press, 1977.

Le Bianic T. *Bringing the State back in the Study of Professions: Some Peculiarities of the French Model of Professionalisation,* paper presented at

the sixth ESA Conference, Research Network Sociology of Professions, Murcia, Spain, September 2003.

Manning N. Diversity and Change in Pre-Accession Central and Eastern Europe Since 1989 // *Journal of European Social Policy,* Vol. 14, No. 3, 211-232 (2004).

Marshall T.H. *Citizenship and Social Class and Other Essays.* Cambridge: Cambridge University Press, 1950.

Mills C.W. *The Professional Ideology of Social Pathologists* // *The American Journal of Sociology,* Vol. 60, September 1943. P. 165-180.

Morgen S. and Maskovsky J. *The Anthropology of Welfare "Reform": New Perspectives on US Urban Poverty in the Post-Welfare Era* // *Annual Review of Anthropology.* Vol. 32, 2003. P. 315-338.

Parsons T. *The Social System.* New York: Free Press. 1951.

Pascall G., Manning N. Gender and social policy: comparing welfare states in Central and Eastern Europe and the former Soviet Union // *Journal of European Social Policy.* Vol. 10, No. 3. 2000. P. 240-266.

Rasell M. A grey revolution or democracy in action? Understanding protests against welfare reform in contemporary Russia, conference ESPAnet, Budapest, 2010 // http://www.espanet2010.net/en/24/14._Post_Socialist_Welfare_Systems.page.

Reverby S.M. (ed.) *Tuskegee's Truths: Rethinking the Tuskegee Syphilis Study.* Chapel Hill, 2000.

Romano S. Three dimensions of welfare transformation. Welfare reforms and poverty in post-socialist Hungary, Poland and Estonia, conference ESPAnet, Budapest, 2010 // http://www.espanet2010.net/en/24/14._Post_Socialist_Welfare_Systems.page.

Sainsbury D. Gender and social-democratic welfare states // *Gender and welfare state regimes* / Diane Sainsbury (Ed.). Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 75–106.

Sanfey P. and Teksoz U. Does transition make you happy? European Bank for Reconstruction and Development. Working paper No. 91. 2005 // <http://www.ebrd.com/downloads/research/economics/workingpapers/WPO091.pdf>.

Sanghera B., Iliasov A. Moral Sentiments and Professionalism in Post-Soviet Kyrgyzstan: Understanding Professional Practices and Ethics // *International Sociology.* 2008. Vol. 23. P. 447–467.

Svensson L.G., Evetts J. (eds.) *Sociology of Professions. Continental and Anglo-Saxon traditions.* Göteborg: Bokförlaget Daidalos AB., 2010.

Tawney R.H. *The Acquisitive Society.* New York: Harcourt Brace, 1920.

Wacquant L.J.D. *Punishing the poor: the neoliberal government of social insecurity.* Durham, NC and London: Duke University Press, 2009.